

Виктор ЗАЙКОВ

ВИТЬКИН КОСТЮМ

Пыль. Она зарождалась под тяжёлыми гусеницами трактора, густая и чёрная. И не было от неё спасения. Ветер гнал её на сцепку из четырёх стареньких дисковых сеялок, по которой с железным дрючком для прочистки гофрированных семяпроводов, в короткой телогрейке, шапчонке и с респиратором на шее бегал от одной секции к другой сеяльщик, пэтэушник, сирота Витька Никодимов. Трудно ему. С шести утра до восьми вечера каждый день: духота, беготня, трясушка. Третью неделю уже так. А говорят, как с пшеницей управятся, траву для скота ещё посеять надо. Это дней пять лишних работать придётся. Как выдержать? Кругом-то весна разливается. Телынь стоит. Во все стороны — до горизонта — необозримая вспаханная степь распласталась. Завораживает, манит она, даль-то, зовёт. Побежать бы туда — за степь, поглядеть, чего там жизнь напридумала, понастроила. Да разве можно? Витька достаёт из-под крышки зернового ящика выданное утром свежее полотенце и вытирает шею, болезненно морщится, когда ткань задевает вызревающий на затылке фурункул. Выдавить бы его, заразу, да как изловчиться? К медичке идти надо. А когда? Ладно, сам лопнет. Витька прячет полотенце, кладёт руки на поручень сеялки и осторожно вертит головой, смотрит, как по влажной, чуть дымящейся, растревоженной дисками земле, переваливаясь, по-хозяйски ходят грачи. И точка вон какая-то всё висит и висит на небе. Не ястребок ли к броску изготавливается? Кого же он высмотрел с высоты своей? Интересно.

У Витьки нет часов, но, поглядывая на солнце, он начинает волноваться. Скоро трактор со сцепкой, сделав длинный прогон, развернётся на заболоченной стерне и поползёт назад, в сторону земель чужого района. Километр или два протащится, и тогда из-за далёкой кромки поля в белесоватом мареве, как наваждение или мираж какой-то, начнут сказочно вырастать и подниматься в небо бело-красные трубы большой электростанции. Витька сегодня уже смотрел на эту картину, но почему-то ждёт появления труб. Ему радостно их видеть. Он знает: там — за ними — город, магазины с витринами, хорошо одетые люди гуляют по тротуарам и, наверное, пьют газировку из автоматов. Сердце его сдавливает от какой-то неясной тоски. А почему неясной? Ему тоже хочется — и не в кирзовых сапогах да механизаторской робе, которые из одежды только и остались у него, — пройтись неспешно по начинающему зеленеть парку, просадить копеек тридцать в стрелковом тире, а может, и встретить красивую девочку, похожую на Тину Родину. И, страшно подумать, даже покачаться с ней на качелях: вверх — вниз, вверх — вниз. Волосы у девочки развеваются, платице облепляет гибкое тело, глаза от счастья лучатся. Эх!

...Но, боже, что это? Подножная доска сеялки вдруг резко съезжает за Витькину спину, и он больно ударяется грудью о поручень. Избура-красная туша трактора, качнувшись, замирает. Что случилось? Поломка? Из кабины Т-4 вывалился костлявый тракторист дядька Митяй — не старый ещё, орденосеиц и матерщинник, по фамилии Любин-Ус. И Витька впервые услышал от него про себя много чего интересного. Оказывается, он и кривошип ползущий, и умишком не горазд, и топытья безглазая...

— Глянь под правый отсек, — кричит Ус, и острый его кулак режет воздух. — Это надо же, какую полосу незасеянной сотворил! Выпороть тебя мало! Паразита...

Витька повёл глазами и обмер: с десятков гофр рядом — одна к одной — забиты напроч. Эх, тесто блинное! Если даже минут пять семена не попадали в землю, то подумать страшно, какой огрех остался. За такое, действительно, поперёк лавки уложить надо. Витька бросился шуровать в гибких трубках своим «шампуром». Но вспомнил, что делать это надо, когда трактор движется, иначе толку — пшик. В отчаянии махнул трактористу: вижу, мол, поезжай.

Дядька Митяй с досады поддел сапогом ком земли, выругался и ещё раз погрозил кулаком. Попылили дальше. Витька быстро прочистил семяпроводы и решил больше не отвлекаться. «Прав он, конечно, — успокоившись, беззлобно подумал о трактористе, — Мне-то чего, я уеду скоро, а его через месяц, как взойдёт пшеница, и проверяющие обнаружат огрехи, премии лишат, наверное. А у него дети. И вспомнит он меня тогда, нехорошо вспомнит. Эх, стыдобница какая!» — упрекнул себя и, гоня прочь слёзы, запел любимую свою — «Не жалею, не зову, не плачу...»

Летела песня, гудел трактор. Трубы электростанции то вырастали, то пропадали за горизонтом. Незаметно за вечерело. Ветер присел, поутих. И свежей как будто бы стало. С левой стороны уже стерня завиднелась: машины на ней — заправщики, будто птицы с длинными клювами в стаю сбились, «летучка» агронома вон подъехала. Значит, конец работе сегодняшней близок. И вдруг Витька опешил, заметив, как прямо по полю навстречу им кажущийся розовым в лучах заходящего солнца, грациозно вскидывая ноги, будто и не пашня под ним, а беговая дорожка ипподрома, несёт лёгкие дрожки с наездником рысистый стати жеребец. А чуть поодаль, сбоку, по полевой дороге, стараясь не отстать от

него, переваливается уточкой на ухабах бежевая директорская «Волга». Любин-Ус оставил трактор и проворно выскочил из кабины. Крикнул помощнику, что, кажется, сам первый секретарь райкома к ним пожаловал, и, по-солдатски взмахивая руками, пошёл к приближающемуся гостю. Секретарь осадил коня недалеко от сеялки, но на землю не сошёл, ботинки, видимо, пачкать не хотел. Отвалившись на кожаную спинку колясочки, нервно приспустил узел галстука и не очень приветливо кивнул сначала трактористу, а потом и подошедшему директору совхоза Розову. Витьке не было слышно, о чём они говорили, но он видел, как дядька Митяй, наклоняясь, ковырял рукою землю, разминал её меж пальцев, показывая, видимо, влажность почвы и заглубливание семян. Другая же рука его нервно поддёргивала штаны — не иначе как пуговица с них отскочила. В такой-то момент! Директор укоризненно качал седой головой, старался прикрыть механизатора своим телом, сам близко подступал к коляске и суетливо совал секретарю какие-то бумаги. Но вот вся троица посмотрела в сторону сеяльщика. Ус помахал помощнику.

— Ну, душа казённая, пошли принимать оловянную кашу, — прошептал Витька, мысленно приготавливаясь к разносу.

Подойдя к начальству, снял кургузую шапчонку, пригладил спутанные волосы и, глядя в землю, несмело поздоровался. Секретарь, явно удручённый геройским видом «бойца за урожай», спросил директора:

— Чей хлопец будет, Семён Данилыч? Твой?

Розов, уловив нотки недовольства в словах высокого гостя и не понимая, чем они вызваны, глазами попросил помощи у Любина.

— Так сирота он, детдомовский, из училища прислан, — выручил директора тракторист.

— Тэк-с, — протянул глава района. — А имя у нашего труженика есть? — обратился к Витьке.

Но практикант, размазывая рукавом телогрейки слёзы на лице, всхлипывал. Он всегда начинал плакать, когда его называли сиротой. Горечью и бездомностью веяло от этого слова. Унижение в нём слышалось и намёк на неухоженное что-то, брошенное.

— Виктором его зовут, товарищ первый секретарь, Никодимов фамилия, — поспешил сообщить дядька Митяй и приобнял парня за плечи.

— Ты, Витя, успокойся, — потрепал мальчишескую голову секретарь. — Обижать мы тебя не хотели и не будем. Работаешь ты, мне уже доложили, хорошо. Стараешься, молодец. И вот что я подумал, — он перевёл взгляд на директора. — У тебя ведь, Семён Данилыч, есть свои фонды? Есть. Так вот возьми и купи парню после окончания посевной приличный костюм. Думаю, что ругать он нас за это не будет. Сделай хлопцу подарок от совхоза. Пусть помнит.

Директор согласно затараторил, что да, есть фонды, сделаем, купим, как не порадовать, всё как скажете, только...

— Сделай всё без этих «только», — нахмурился секретарь. — Не обеднеет твоё хозяйство. И давайте прощаться, товарищи. Мне ещё на ферме с людьми поговорить надо.

Он пожал руку Любину, пристально посмотрел на Витьку и как-то по-свойски, даже озорно подмигнул ему двумя глазами сразу.

Когда начальство отъехало, Ус первым делом полез в кабину и куском проволоки подтянул штаны. Вылез, побряхтел и протянул Витьке папиросу:

— А ты, наверное, передрейфил, парень, а? Думал, сдаст тебя орденосец с потрохами? Кури, я дядька добрый. Сам на побегушка начинал, натерпелся издёвок.

— Да я чё? Разве я трус? Просто первый раз в жизни секретаря райкома вижу, — прикурив, ответил Витька. — Потому и испугался. А он вовсе не страшный. И костюм вот приказал купить, который мне позарез как нужен. Как думаешь, дядь Митяй, купят?

— А кто его знает? — выпустил дым изо рта тракторист и сплюнул. — Хотя, если уж сам приказал, то должны бы. У них же, у партийных, дисциплина. Попробуй не исполнить. Так что жди, парень.

И Витька стал ждать.

Боже, как медленно поползло время. Болезненно, мучительно. От рассвета до заката — вечность. Он не заметил, как душа перестала откликаться на музыку развигающейся вокрут весны. Даже порскающие иногда по полю степные зайцы, выскакивающие неведомо откуда, не вызывали у него былого восторга. Он теперь подолгу пристально вглядывался в полевые окраины. И всякий раз клубы рыжей солончаковой пыли, изредка появляющиеся там, заставляли колотиться его сердце: а не «Волга» ли директорская поспешает сюда с драгоценным подарком? Не товарищ ли Розов едет улыбочиво поблагодарить «экипаж машины боевой» за труд и вручить прилежному сельщику вождённый свёрток с костюмом?

Но ещё хуже было ночами. Витька изнемогал в мечтаниях. Они уносили его с каким-то сладким постоянством именно в уютный палисадник на окраине далёкого шахтёрского городка, где песочком посыпаны дорожки, клумбы синеглазыми цветами опрокинулись в вечернюю прохладу. И тонкая красавица Тина Родина, ничего не подозревающая, сидит под калиной на скамейке, книгу читает. И вдруг калитка открывается. Входит он: узкие в носке штилеты на нём, дымчатый костюм в полоску. «Здравствуй, Тина», — говорит. И тихий радостный девичий вздох. А потом они пьют чай в лунной беседке. И счастьем не

видно конца...

Эти дерзновенные и мучительные ночные грёзы за неделю так изменили парня, что Любин-Ус как-то утром, подозрительно посмотрев, спросил:

— Ты чего, молодец, деваху себе какую у нас высмотрел? Истаял лицом, будты мартовская сосулька.

— Нужны мне ваши ходули колхозные, — огрызнулся Витька. — Каникулы скоро, вот и радуюсь.

Про радость, конечно, соврал он. На самом-то деле — худо на душе. От догадки, что вчерашней ночью вдруг тревожно вырвала его из сна и злой очевидностью заставила долго сидеть в темноте на кровати и тихо постанывать: «Размер. Они ведь не спросили тогда, какой размер одежды я ношу. И до сих пор, а уже неделя прошла с того разговора, никто не приехал, не поинтересовался. Как же они собираются мне костюм покупать?»

Только к утру успокоил себя тем, что директору, видимо, сейчас не до него. И костюм, скорее всего, вручат ему после окончания сева. Надо только дожидаться торжественного собрания, на котором обычно подводят итоги полевых работ и чествуют передовиков. Ну, собрание то вскоре состоялось. Но вечером, когда нарядные селяне собрались в клубе и как должное приняли поздравления начальства, Витька, стоявший скромно у двери за самым последним рядом кресел, имени своего среди награждённых так и не услышал.

Утром, перед отъездом в училище, пришёл попрощаться к дядьке Митяю. Тот, умный и честный человек, почувствовав настроение бывшего помощника, сам заговорил о костюме:

— Ты, парень, жизнью уже битый. Должен понимать. Бывает всяко и разно. А раз так, то на себя едино и надейся.

К таким прямым словам Витька был не готов, потому и не нашёлся, что ответить. А хотелось сказать Любину про несправедливость людскую, забывчивость некоторых и расхлябанность в обещаниях, поведать о зазнобе своей далёкой и что от костюма того этим летом, может, вся судьба Витькина повернулась бы по-другому. Подмывало спросить у много чего повидавшего работяги: почему девчонки того шахтёрского городка, откуда приехал Витька сюда учиться, никогда не дружили даже с удивительно симпатичными мальчишками из детдома? И ему же ответить, что не слава обидная: мол, хулиганы они все поголовно и шантрапа безродная — останавливала девчат (они, кстати, бедовых любят). А казённая, скучная, выношенная к концу года одежда воспитанников. Как с такими в город гулять пойдёшь? Засмеют ведь подруги, ей-богу. На его памяти, лишь одна Тина Родина из 8 «б» пригласила однажды на каком-то школьном вечере его — Витьку Никодимова — на танец. И украдкой, но дерзко показывала язык оторопевшим одноклассникам. А ему улыбалась загадочно. И заронила в душу что-то солнечное, настоящее.

Любин-Ус прощание затягивать не стал. Сунул вчерашнему сеяльщику кулёк с жареными карасями, ободряюще пожал руку. И Витька навсегда, как потом оказалось, покинул эти нерадостные, в общем-то, для него места. А через пару недель, когда тополя осыпали дороги и тротуары липким своим горячим пухом и экзамены уже были сданы, Витька услышал от кого-то сразившую его новость — помер первый секретарь райкома. Траур объявлен. Завтра хоронят. По главной улице гроб повезут. С оркестром. Решили всей группой пойти посмотреть.

Стоял Никодимов в своих сапогах кирзовых, отмытых, правда, и начищенных, в постиранном механизаторском комбинезоне, глядел на идущих за гробом людей. И неожиданно вылез, билась, толкалась в его голове тоскливая мысль, что смерть секретаря, скоротечно створешего от сухотки спинного мозга (как шепчут рядом старухи), поставила жирный крест. На чём? Да не всё ли равно? До этого жила ещё, теплилась какая-то робкая надежда, а теперь — амба. Будь секретарь живой, может, вспомнил бы он и спросил при встрече того светливого директора: исполнил ли товарищ Розов данное ему поручение? И если не исполнил, то почему? А нынче тому директору и отвечать не перед кем. Всё. Планы летние — пылью по ветру. Прости, Тина Родина, забудься дворик шахтёрский. Ей-богу, жить не хочется. Сникший Витька криво глянул на плачущих старух и поплёлся в своё общежитие. Горевать.

А в общежитии из-за тонких филанчатых дверей в коридор волнами выносит гомон и радостное бречанье гитары. Соседи, видать, отъезд скорый празднуют. Весело им: впереди лето, дом родной, приключения разные. А ему куда податься? Где и кто ждёт его? Хотя вот Веня Бусин — тоже уральский — зазывал как-то к себе в деревню на Чусовую реку. Божился, что мать его готова принять сироту без всяких там разных препятствий. И подработка, ежели нужду имеешь, в деревне тоже есть: железную дорогу совсем недавно недалеко от них проложили, и сезонным рабочим без обмана хорошо платят. А что? Ведь если не на костюм, то на брюки-то с рубашкой уж точно собрать можно. Ещё хвастался Бусин, будто фильм «Тени исчезают в полдень» совсем рядом с их деревней снимали, и сам «Купи-продай», ну, тот самый, что «загремишь под фанфары», на Марьином утёсе с ними фоткался. Врал, наверное, Венька. Но постоять на знаменитой скале — да! — скажешь потом кому, обзавидуются. И главное, кирзовыми сапогами в той деревне никого не испугаешь. Надо ехать. Витька пощупал шею, на которой — единственная радость — заживал лопнувший чирей, и твёрдо решил: «Поеду».